

Заключение

Из проведенного анализа следует, что на территории Восточной Европы древнейшие верхнепалеолитические индустрии появились рано (около 40 тыс. л.н., если не раньше), причем в весьма развитом виде (спицынская АК, нижние слои Костенок-8 и 14). Вполне вероятно, что самые ранние верхнепалеолитические индустрии “архаичного” типа, обнаруживающие корни в местном (в широком смысле слова) среднем палеолите, возникли под их влиянием. Население, очевидно, вело достаточно подвижный образ жизни, коль скоро ни на одной из многочисленных многослойных стоянок Восточной Европы не обнаруживается постепенное перерастание среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические.

Особо следует подчеркнуть различный генезис археологических культур, относящихся к одному технокомплексу. Поэтому нет оснований говорить о происхождении “ориньяка” (равно как “селета” или “граветта”) “вообще”, вопросы такого рода следует ставить и решать на уровне конкретных археологических культур. Вполне вероятно, горно-алтайские ориньякоидные индустрии типа Усть-Каракол-1 (по терминологии Ж. Жобера, “напоминающие ориньяк” [Жобер, 2001]) имеют местную подоснову, но отсюда не следует, что обнаружение такой подосновы является одновременно решением проблемы происхождения различных вариантов ориньякоидного ТК Европы или Ближнего Востока.

Список литературы

- Аникович М.В.** К определению понятия “археологическая эпоха” // РА. – 1992. – № 1. – С. 85 – 94.
- Аникович М.В.** О значении Костенковско-Борщевско-го района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 3. – С. 3 – 19.
- Аникович М.В.** Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. – 1994. – № 3. – С. 144 – 157.
- Аникович М.В.** Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Материалы симп. “Первичное расселение человечества”. – М., 1997. – С. 143 – 155.
- Аникович М.В.** Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. – М.: Научный мир, 1998. – С. 35 – 60.
- Аникович М.В.** Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 11 – 30.
- Аникович М.В.** Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // Stratum plus (в печати).

Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Форман Ст., Попов В.В. Новые данные о многослойной стоянке Костенки-12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: АкадемПринт, 2002. – С. 68 – 72.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках // МИА. – 1963. – № 121. – С. 5 – 200.

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине в свете изучения стоянки Шлях в Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. – 2001. – Вып. 4. – С. 8 – 24.

Демиденко Ю.Э. “Крымская загадка” – среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс-Дюфур, Сюрени-1: альтернативные гипотезы для решения проблемы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 97 – 124.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 103.

Жобер Ж. Комментарий к статье М. Отта, Я.К. Козловского // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 68 – 69.

Заррина Е.П., Краснов И.И. Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений европейской части СССР // Четвертичная геология и структурная геоморфология СССР: Тр. ВСЕГЕИ. Нов. сер. – 1977. – Т. 222. – С. 18 – 24.

Коев В., Степанчук В. Вариативность перехода от среднего к верхнему палеолиту // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 31 – 53.

Отт М., Козловский Я.К. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 51 – 62.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879 – 1979 / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. – Л.: Наука, 1982.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии / Ред. А.А. Сеницын, Н.Д. Праслов. – СПб.: АкадемПринт, 1997. – 141 с.

Сеницын А.А. Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 125 – 146.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. – М.: Наука, 1991. – 221 с.

Чабай В.П. Особенности перехода от среднего к позднему палеолиту в Крыму // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 54 – 83.

Bradely B., Anikovitch M., Giryа E. Early Upper Palaeolithic in the Russian Plain: Streletskayan flake stone artefacts and technology // Antiquity. – 1995. – Vol. 69. – November. – P. 989 – 998.

Debrosse R., Koslowski J. Hommes et climats à l'âge du mammoth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie Centrale. – Paris; Milan; Barcelone; Mexico: MASSON, 1988. – 144 p.

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА СОЛОНЦЫ-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры)*

Введение

Одним из важнейших аспектов в изучении неолита является выявление компонентов, участвовавших в формировании культур и процессе их трансформации. Нередко самым ценным источником информации о культурных преобразованиях, содержащим как автохтонные, так и приобретенные элементы, может оказаться могильник либо отдельные погребения. Кузнецко-алтайская культура была выделена на основе погребений [Окладников, Молодин, 1978]. До сих пор остается недостаточно аргументированным культурное единство поселений и погребений Салаиро-Алтая [Бобров, 1997, с. 140 – 143; 1999, с. 32; Кирюшин, 2002], это усложняет понимание процесса формирования кузнецко-алтайской культуры и ее роли в культурогенезе неолитического населения Салаиро-Алтая. Инвентарь погребений устойчив и выразителен, содержит черты, сближающие данное культурное образование с неолитом Прибайкалья [Окладников, Молодин, 1978; Молодин, 1999, с. 45, 48]. На территории Горного Алтая в настоящий момент известны одиночные погребения в Нижнетыткескенской [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995] и Каминной [Маркин, 2000] пещерах, могильники Усть-Иша и Большой Мыс в северных предгорьях и на Бийско-Чумышской возвышенности [Молодин, 1999; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000]. В результате сравнительного анализа антропологических серий из этих могильников В.А. Дремов пришел к выводу о принадлежности популяций данного региона к большой расовой общности эпохи неолита, включавшей население При-

байкалья и Забайкалья, отметив проявление здесь европеоидных компонентов [Дремов, 1980; 1997, с. 33]. Изучив краниологические материалы из пещер Каминная и Нижнетыткескенская I, Т.А. Чикишева пришла к заключению о их сходстве с черепами из погребений Красноярско-Канского региона (Базаиха, Долгое Озеро) [Чикишева, 2000; Ким, Чикишева, 1995].

В данной публикации вводятся в научный оборот новые материалы из могильника Солонцы-5, относящегося к кузнецко-алтайской культуре. Ограничиваясь лишь теми фактами, которые, на мой взгляд, способны проиллюстрировать механизм культурных влияний и аргументировать датировку памятника, обращаю главное внимание на материалы погребения 1. Основные результаты исследований могильника Солонцы-5 представлены в публикации Н.Ю. Кунгуровой, Т.А. Чикишевой [2002] и впоследствии будут рассмотрены в специальной работе.

Материалы могильника Солонцы-5

В 2000 г. мной был обнаружен и исследован могильник Солонцы-5. Он находится в 0,5 км к СВ от с. Пильно в Красногорском районе Алтайского края, размещается на левом берегу р. Бии на останце террасы высотой до 50 м над уровнем реки, в устье речки Чепшушки (рис. 1, 2). Местность характеризуется расчлененным низкогорным рельефом, крутые склоны левого берега Бии и Чепшушки покрыты березовым лесом, по бортам террасы прослеживаются скальные выходы. Геоморфологическое положение памятника весьма напоминает ситуацию, зафиксированную В.И. Молодиным при раскопках неолитического могильника Корчуган [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00102а.

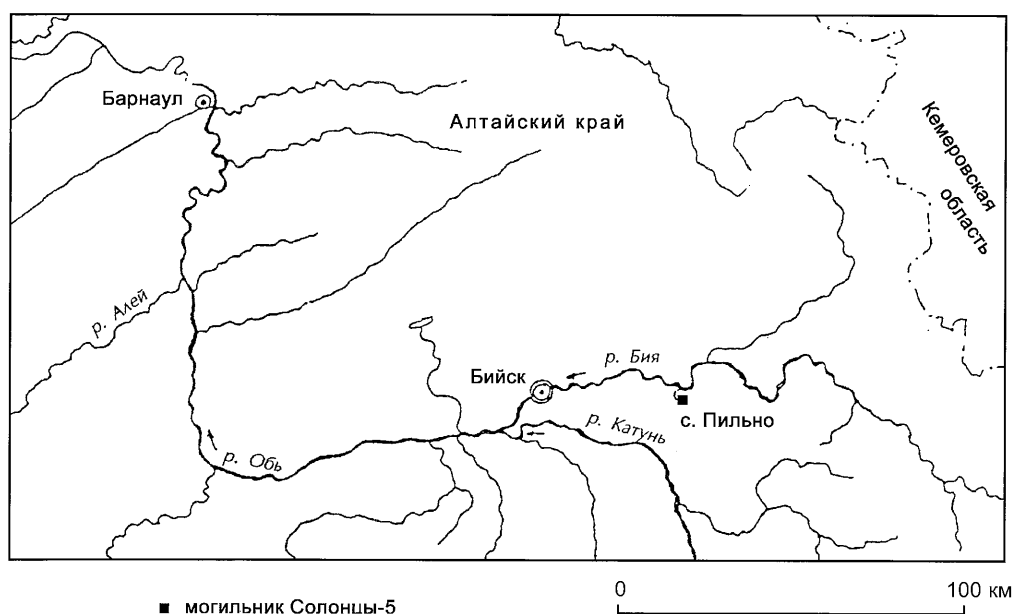

Рис. 1. Расположение могильника Солонцы-5.

Погребения были обнаружены в ходе исследования многослойного поселения, ранний слой которого содержал большемысскую керамику. Они залегали в слое суглинка на глубине 0,60 – 0,70 м от современной дневной поверхности. Пятна могильных заполнений отсутствовали, поэтому проследить дневную поверхность, с которой устраивался данный могильник, не удалось. Всего обнаружено девять погребений, сгруппированных, как установлено по антропологическим данным Т.А. Чикишевой, по половому признаку в два ряда, ориентированные по оси СЗ – ЮВ. Умершие были уложены головой на СВ и В. Семь погребений совершены по единому обряду – в вытянутом положении на спине, руки вдоль тела. Двое погребенных (мог. 2 и 3) были уложены на спине с повернутой в левую сторону головой, согнутыми в коленях и заваленными влево ногами. Оба погребения безынвентарные. Дети были захоронены (мог. 1, 5, 6, 8) в общих со взрослыми могильных рядах, возможно, в соответствии с их половой принадлежностью.

В первом ряду, по определениям Т.А. Чикишевой, находятся мужские захоронения (мог. 3 – 5, 7, 1), из них погр. 1 является самым восточным. В нем обнаружено большое количество предметов, связанных с охотой и рыболовством, а также с производством каменных орудий. Соседнее погр. 7 отличается от всех остальных богатейшим набором нашивок на одежду, их комбинациями. Вероятно, оба эти мужчины имели особое положение в обществе. Во втором ряду находились женские погр. 2, 8, 9, 6.

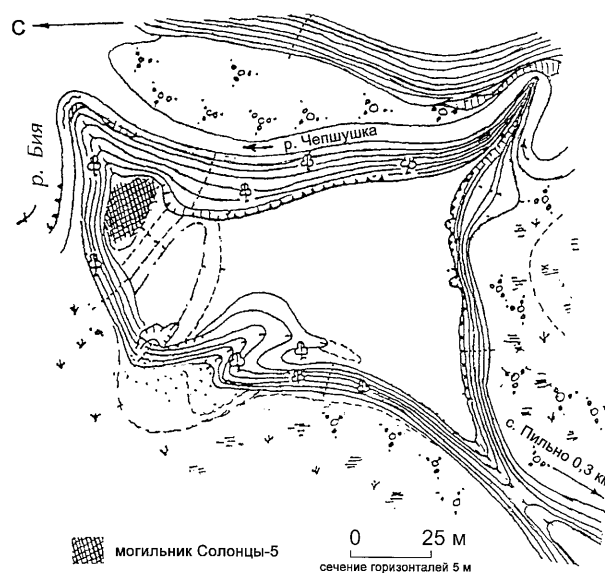

Рис. 2. План могильника.

Для могильника Солонцы-5 набор сопроводительного инвентаря устойчив – это длинные каменные и костяные вкладышевые клинки, украшения: нашивки из зубов животных, кости и перламутра, которые требуют специального изучения и реконструкции.

В ходе анализа костных остатков из Солонцов-5 Т.А. Чикишева выделила морфологические признаки, близкие антропологическим сериям Салаиро-Алтая, Верхнего Приобья, серовской группе бассейна

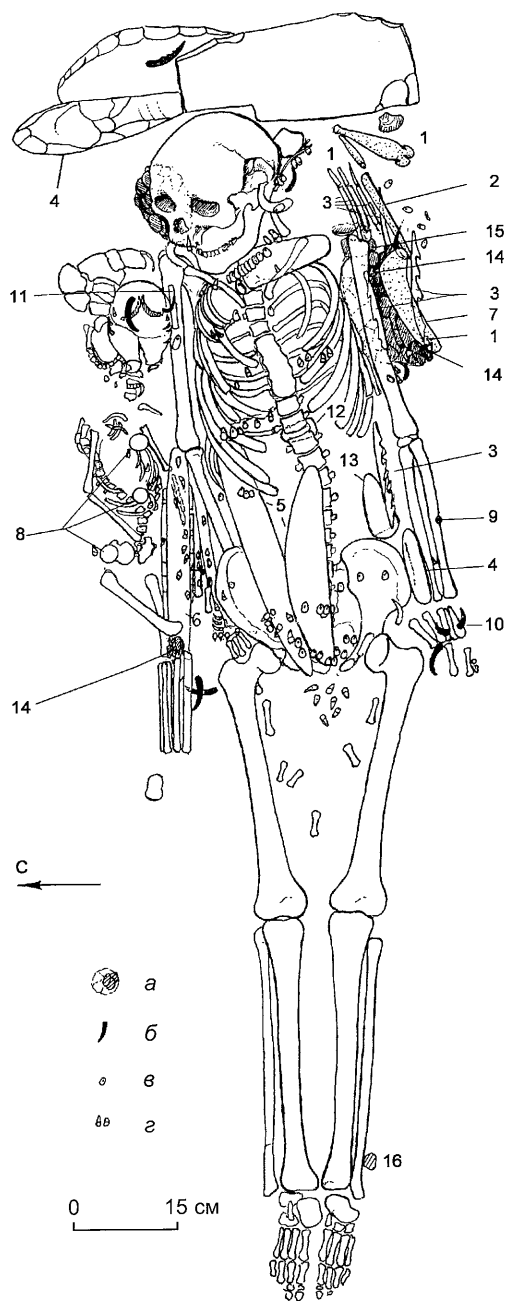

Рис. 3. План погребения 1.

1 – рыболовные стерженьки, 2 – брусок, 3 – наконечники гарпунов, 4 – рубящие и тесловидные орудия, 5 – клинки, 6 – вкладышевый клинок, 7 – “рукояточный утюжок”, 8 – раковины, 9 – речные ракушки, 10 – стерженьки с крючками, 11 – фрагмент трубчатой кости, 12 – скребок из плитки песчаника, 13 – отбойник, 14 – наконечники стрел, 15 – скребок из отщепа, 16 – кусочек камня.

a – отщепы, *б* – клыки кабарги, *в* – нашивки из кости, *г* – нашивки из зубов животных.

р. Лены [Кунгурова, Чикишева, 2002]. У мужчин отмечено наличие характеристик смешанного происхождения, у женщин – признаков, характерных для монголоидной расы. В частности, выявлено ощути-

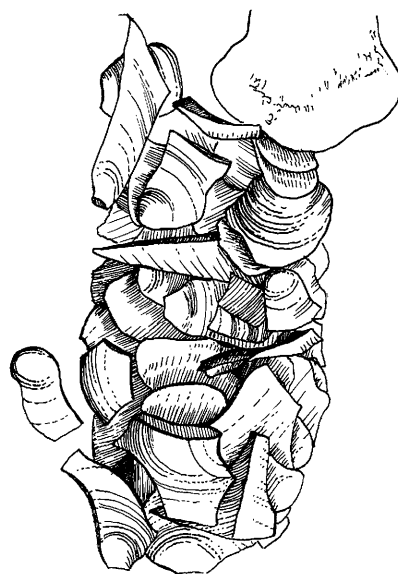

Рис. 4. Скопление отщепов около черепа мужчины из погр. 1 (прорисовка).

мое влияние монголоидного компонента, тяготеющего к неолитическому населению Прибайкалья. Улавливается компонент, известный по материалам Саяно-Алтая (погребений в Красноярско-Канской лесостепи, в пещерах Каминная и Нижнетыткескенская I Горного Алтая). Основные антропометрические показатели материалов могильника тяготеют к сборной серии Верхнего Приобья (могильники Большой Мыс, Усть-Иша, Костёнка Избушка, Ордынское), Кузнецкой котловины (Васьково-4, Лебеди-2, Заречное-1) и серовской группе бассейна р. Лены. Таким образом, антропологический тип популяции Солонцов-5 сформирован на той же основе, что и тип населения Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, с участием серовского компонента.

В изучении проблемы трансформации культур и их взаимовлияний важное, на мой взгляд, значение имеет погр. 1, содержащее самый многочисленный и насыщенный набор предметов сопроводительного инвентаря (178 изделий и несколько десятков нашивок).

Погребение 1

Скелет взрослого мужчины 35 – 40 лет, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на СВ, лежал на глубине 0,75 м от дневной поверхности (рис. 3). Возле костей правой руки находился скелет 1,5-годовалого ребенка. Затылочная поверхность черепа мужчины вплотную прилежала к двум каменным плитам. Вдоль края одной из них было уложено крупное рубящее орудие – бифас. На этой плите находился клык кабарги с зазубринами по вогнутому краю. Череп пра-

вой стороной лежал на плотном скоплении из 73 отщепов (рис. 4). На верхних ребрах, под нижней челюстью находился шлифованный топор. Под левой плечевой костью располагалось плотное скопление вещей: предмет в форме песта с расширенным основанием, каменный длинный брусок, пять костяных наконечников гарпунов, одна костяная концевая накладка на лук, пять каменных наконечников стрел и их обломков, костяное острие, каменный стержень для крючка. Под этими вещами и плечевой костью находилось плотное скопление из 34 кремневых отщепов. Среди них скребок и четыре отщепа с ретушью. Выше этого набора инструментов, ближе к каменной плите, располагались два каменных рыболовных стерженька. Возле локтевой кости левой руки находились два наконечника гарпуна, наложенные друг на друга, рядом – роговой отбойник, ниже – узкое шлифованное тесловидное орудие. На фалангах левой кисти лежали два костяных стерженька с вставленными в них остриями крючков. С правой стороны от нижних ребер до лобковых костей располагались два крупных каменных клинка-бифаса: длинный кинжал и широкий нож асимметричной формы. Под серединой позвоночного столба лежал скребок из плитки песчаника. У дистального конца левой берцовой кости находился кусочек камня. Возле черепа, плечевых и тазобедренных суставов найдены острия из клыков кабарги. Украшения из крупных зубов марала и костяные нашивки лепестковой формы размещались в области шеи и груди (рис. 5). Последние и большей частью нашивки из зубов крупных копытных животных находились в области таза и между бедренными костями.

Детский скелет, располагавшийся возле мужского, чуть развернут влево – нижней частью к костям предплечья мужчины. Ребенок был захоронен в вытянутом положении на спине. Между погребенными лежал костяной кинжал с каменными вкладышами. Кости левой руки ребенка были под ним, возможно, кисть правой при погребении находилась на нем (сохранились только локтевые кости без фаланг). Берцовые ко-

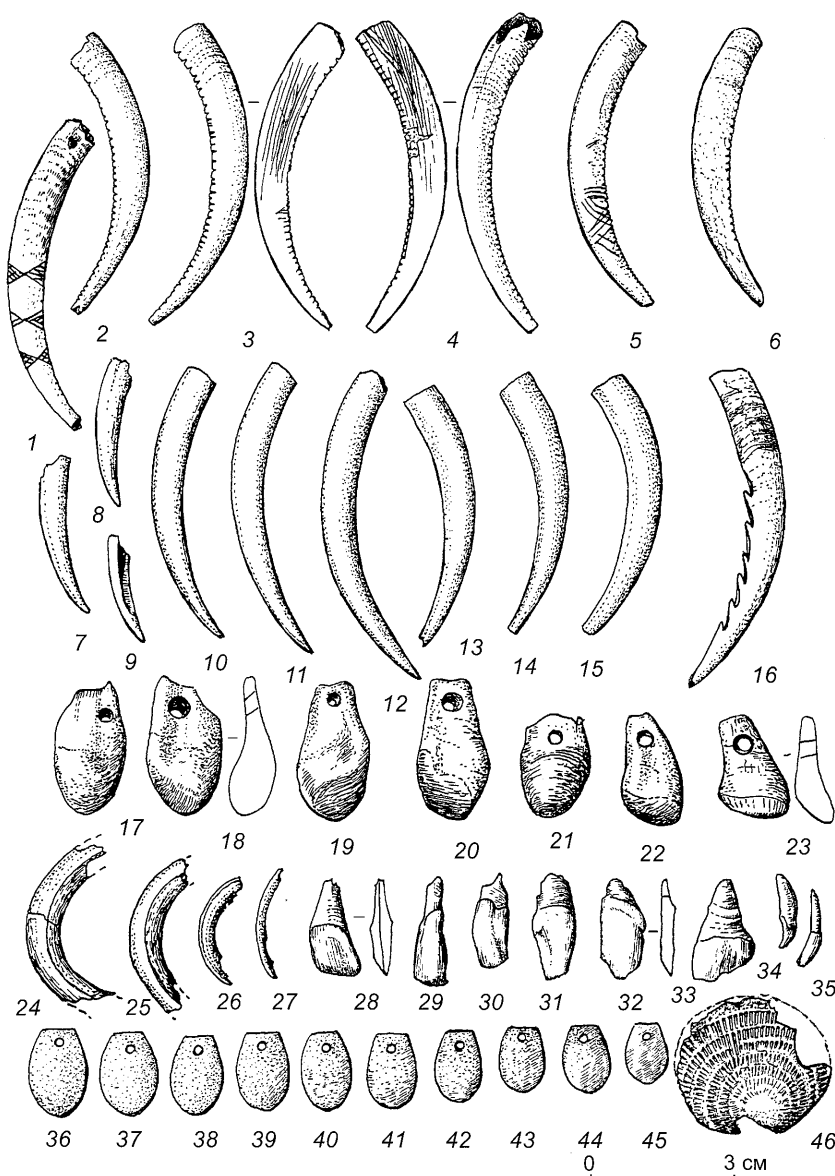

Рис. 5. Украшения одежды.

1 – погр. 7, 2 – 46 – погр. 1.

сти также были под кинжалом и на нем. В области колена правой ноги под кинжалом располагалось скопление из 11 каменных наконечников стрел и их обломков. На сочленении правого бедра и таза лежала створка крупной раковины (рис. 5, 46), еще две такие же находились в центре нижней части грудной клетки и у левого плечевого сустава (видимо, первоначально на груди). Под челюстью располагались четыре каменных отщепа. Под позвоночником в области пояса лежал кусочек гематита (красной минеральной краски). Под кинжалом, на костях левой руки, на ребрах левой половины грудной клетки и между ними размещались расщепленные зубы крупного копытного.

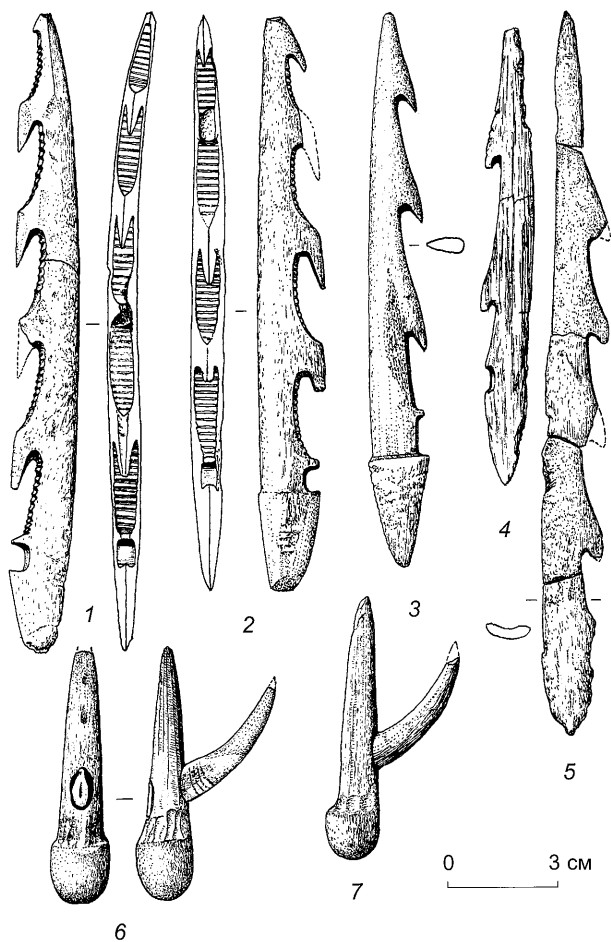

Рис. 6. Костяные вещи из погр. 1.

Вещественный комплекс погребения 1

Вещи из погребения довольно разнообразны и многочисленны.

Костяной инвентарь. Наконечники гарпунов (5 экз.) имеют одностороннее расположение зубцов, конусовидный уплощенный насад с полукруглой выемкой для крепления линя (рис. 6, 1, 2, 4), в одном случае ее заменяет шип (выступ) (рис. 6, 3). На самом крупном изделии приспособление для крепления не сохранилось (рис. 6, 5). У двух экземпляров насад отделен от острия карнизом. Они оснащены четырьмя зубцами, наиболее короткие наконечники гарпунов имеют по два-три зубца. Особый интерес вызывают два экземпляра, лежавшие один на другом у левой локтевой кости. Длина изделий 17 и 15,5 см. Оба украшены поперечными нарезками в выемках между зубцами (рис. 6, 1, 2). Два наконечника гарпунов сделаны из стенок трубчатых костей (рис. 6, 4, 5). У них выражен длинный конец острия. Длина одного изделия 19,8 см, другого – 12,5 см. Они хрупки, плохого качества.

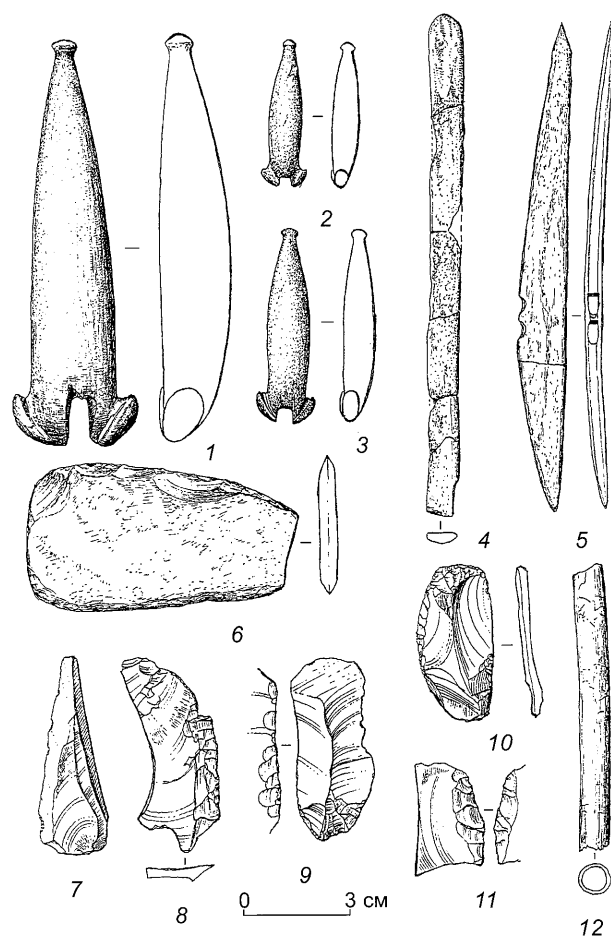

Рис. 7. Погребальный инвентарь из погр. 1.

Среди скопления наконечников гарпунов находилась концевая накладка на лук (рис. 7, 4). Она плоская, узкая, длиной 14 см, шириной 0,8 см, концевая часть овальная, чуть приостренная. В наборе присутствовало костяное острие с двумя выемками на выпуклой стороне (рис. 7, 5).

Поверхность крупного рогового отбойника длиной 11,5 см, диаметром 4,3 см плохо сохранилась, а конец его повдоль выломан (рис. 8, 2).

Два костяных составных стерженька рыболовных крючков с выделенными головками имеют сквозные отверстия, в которые закреплены когти животных (см. рис. 6, 6, 7).

Функциональное назначение фрагмента тонкой (птичьей?) трубчатой кости длиной 8 см, находившегося между погребенными, не ясно. Он мог быть как игольником, так и деталью колчана (см. рис. 7, 12). Аналогичная вещь в погр. 8 могильника Усть-Иша находилась в районе места размещения предполагаемого колчана [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 28].

Костяной вкладышевый клинок длиной 29,5 см (рис. 9, 1) оснащен двумя пазами со вставленными

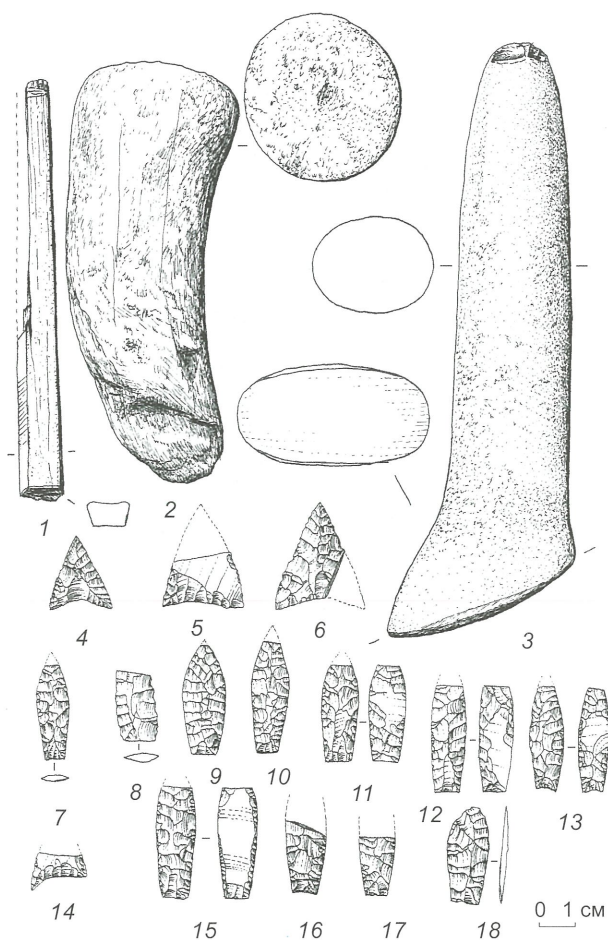

Рис. 8. Погребальный инвентарь из погр. 1.

в них вкладышами. В рукояточной части имеется небольшое отверстие. Вкладыши изготовлены из длинных прямых пластин и их фрагментов. Они ретушированы с двух сторон по краям.

Каменный инвентарь. Плиты размерами $32 \times 14 \times 3$ и $28 \times 11,5 \times 4$ см оббиты по боковым сторонам (рис. 10, 2, 3), один из краев имеет участок, оформленный последовательными фасетками широких сколов. У большей плитки фасетированный край приострен под углом в 45° . Меньшая имеет конвергентные боковые стороны, использованные как плоскости снятия, с вертикальными фасетками. Ее тыльная сторона обработана последовательными широкими сколами. Обе плитки сильно патинированы (заизвесткованы).

Бифас – массивное рубящее орудие длиной 25 см, двусторонне оформленное широкими встречными сколами (рис. 10, 1). Два концевых овальных края уплощены посредством продольных снятий.

Предмет в форме песта с расширенным основанием – довольно редкая вещь в неолитических комплексах. Изделие хорошо отшлифовано. Его длина 16 см, рукоять круглая в сечении. В основании имеется

Рис. 9. Костяной вкладышевый кинжал (1) и каменный нож (2) из погр. 1.

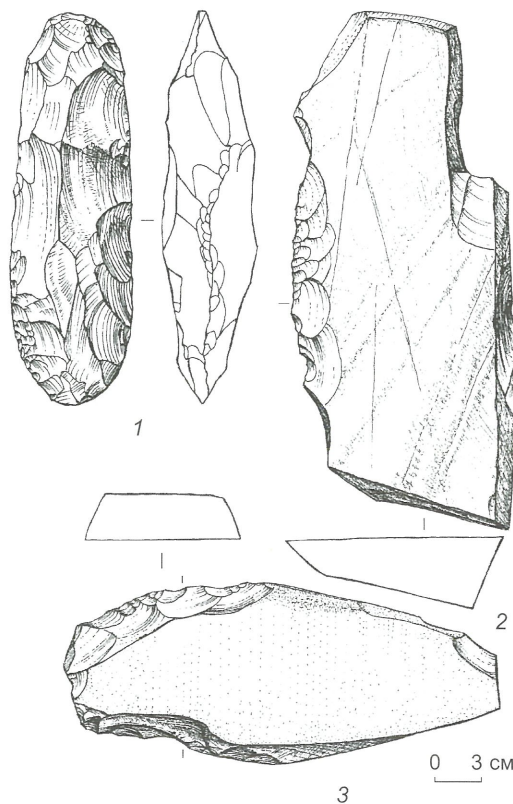

Рис. 10. Топор-бифас (1) и каменные плиты (2, 3) из погр. 1.

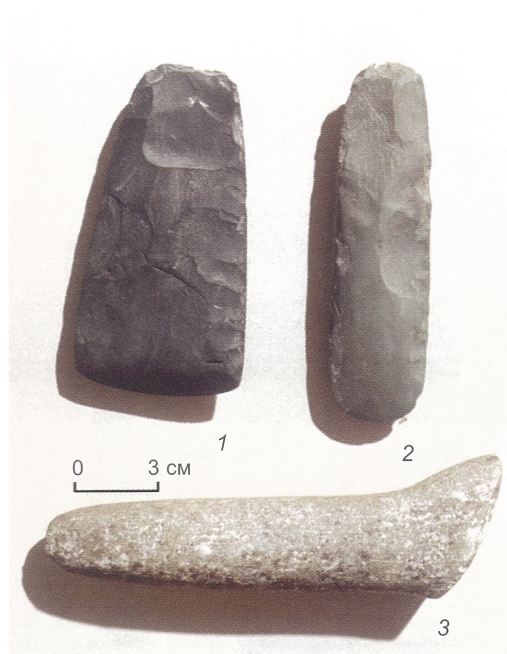

Рис. 11. Каменные вещи из погр. 1.

выступ, нижняя поверхность которого прямая, заполированная до блеска (см. рис. 8, 3; 11, 3). В публикации М.Ф. Косарева подобный предмет упоминается как “сапожковидный терочник” или “гладилка” [1981, с. 83, 84]. Признаки утилитарного износа, присутствующие на этой вещи, соответствуют таковым на “утюжках” (продольное распространение по всей поверхности тонких слабых и четких царапин, зеркальная заполировка; по концевому краю выступа прослеживаются лунки утилитарной забитости).

Узкий каменный брусок длиной 11,5 см с продольным разломом (см. рис. 8, 1). На небольшом участке одной боковой поверхности имеются поперечные нарезки. Стороны бруска отшлифованы, на них видны продольные царапины утилитарной этимологии, концы спилены.

Наконечники стрел (см. рис. 8, 4 – 18): три – треугольные широкие, один – с опущенным шипом, остальные – листовидные с прямой узкой базой. Одна сторона наконечников обработана полностью встречной ретушью, другая – чаще всего у конца и основания. На одном экземпляре ретушь только по краям и на базе (см. рис. 8, 15).

Стерженьки рыболовных крючков (3 экз.) разных размеров, но одного стандарта. У них выпуклая спинка, в основании пропилена выемка для крепления крючка и выделены симметричные ушки (см. рис. 7, 1 – 3; 12).

Топорик трапецевидной вытянутой формы (см. рис. 11, 1). Поверхность его оббита с обеих сторон, рубящий участок зашлифован и заострен под углом в 30°. Признаки сработанности на орудии не прослеживаются.

Рис. 12. Каменные стерженьки из погр. 1.

Узкое шлифовальное тесловидное орудие с овальным лезвием использовалось как долото-стамеска. Тело его округлое в сечении, рабочий участок уплощен и равномерно заострен под углом в 30°. Изделие зашлифовано с обеих сторон (см. рис. 11, 2). Следы шлифовки перекрывают признаки утилитарного износа (пучки царапин, прослеживаемые с двух сторон, глубокие фасетки утилитарной ретуши).

Плитчатое изделие, найденное под позвоночником мужчины, оформлено по краям двусторонней ретушью (см. рис. 7, 6). Орудие использовалось в качестве скребка по коже. Признаки интенсивного износа отмечаются на кромке концевой края.

Каменные клинки крупные, листовидные, обработанные встречными снятиями с двух сторон. Один длиной 34 см, другой – 26 см. Меньший клинок сегментовидной формы: один край его прямой, другой – овальный (см. рис. 9, 2). Признаки утилитарного износа не выявлены.

Сравнительный анализ вещественного комплекса и поиски аналогов дали любопытные результаты.

Костяные наконечники гарпунов с выемками для крепления линия и односторонним расположением зубцов встречены в китойских погребениях Глазковского и Китойского могильников, а также в погребениях на поселении Усть-Белая [Гришин, 2000, с. 32; Георгиевская, 1989, с. 48, 98]. Круто срезанные зубцы, нарезки в межзубцовых выемках отмечены у аналогичных изделий со стоянки Кюнсю на р. Амге в бассейне Алдана и Лены (Якутия) [Археологические памятники..., 1983, с. 364]. Наибольшее сходство нако-

нечники гарпунов из мог. 1 обнаруживают с таковыми из погребений могильника кузнецко-алтайской культуры Лебеди-3 на р. Ине в Кемеровской области. У них также одностороннее расположение зубцов и уплощенный отсеченный насад с уступчиками [Бобров, 1990]. Такие же наконечники гарпунов найдены на большемысском поселении Танай-4а в западной части Кузнецкой котловины [Бобров, 1997, с. 141]. Известные по публикации материалы Кузнецкого могильника наконечники гарпунов оснащены двумя противоположными шипами в основании насада [Чернышов, 1953].

Костяная накладка на лук и острие, которое, скорее всего, имеет отношение к системе накладок, представляют большой интерес, поскольку в погребальном инвентаре кузнецко-алтайских могильников они встречаются впервые. В Верхнем Приобье аналогичная накладка найдена в могильнике Тузовские Бугры-1, предварительно датированном III – II тыс. до н.э. [Абдулганеев и др., 2000]. В Прибайкалье накладки на лук были распространены в серовское время и встречаются в большей части погребений.

Костяные крючки с “набалдашниками” известны по материалам Верхоленского могильника и считаются характерными для китойских памятников бассейна р. Лены [Окладников, 1978, с. 86 – 87, 100]. Они названы А.П. Окладниковым крючками верхоленского типа.

Вкладышевые костяные клинки из погр. 1 находят аналогии в китойских материалах Восточной Сибири. Эти орудия характерны для китойского погребального инвентаря, формы их стандартны. Например, в мог. 1 и 5 Фофановского могильника было по два таких клинка, в мог. 6 – три [Герасимов, Черных, 1975], аналогичная картина наблюдается и на Верхоленском могильнике [Окладников, 1978, с. 85]. Такие клинки распространены также и на Алтае в могильнике Усть-Иша. Костяной вкладышевый кинжал найден в женском погребении в Каминной пещере [Маркин, 2000]. Вообще традиция изготовления подобных изделий в Западной Сибири своими корнями уходит в палеолитическую эпоху [Генинг, Петрин, 1985, с. 50] и сохраняется до раннего энеолита включительно [Молодин, 2001, с. 51; Молодин, Новиков, 1999].

Маркирующей категорией погребального инвентаря могильников Алтая Солонцы-5 и Усть-Иша являются крупные каменные клинки-бифасы. Как правило, в погребениях они встречаются вместе с костяными вкладышевыми клинками. Подобные каменные клинки найдены в Прибайкалье в отдельных серовских погребениях могильников Серово, Серёдкино, Кежемка, Семёново, Братский Камень [Окладников, 1950, 1975, 1976]. По частоте их встречаемости в погребальном инвентаре близки могильники Кузнецкий и Старое Мусульманское Кладбище. Формы клинков с территории Салаиро-Алтая подразделяются на группы с характерными локальными морфологическими

признаками [Кирюшин, Кунгурова, 1996], а техника изготовления и вторичной обработки этих орудий стереотипные. Клинки нельзя однозначно интерпретировать как производные от серовских. Они, скорее, являются автохтонным атрибутом кузнецко-алтайских могильников. Распространение каменных клинков-бифасов в серовской среде – явление нестабильное, вероятно, дисперсное в едином культурно-хронологическом пространстве.

Каменные стерженьки рыболовных крючков из Солонцов-5 по форме близки стерженькам китойского типа, имеют сквозную прорезь для крепления крючка и выделенные ушки. В Прибайкалье эти изделия являются обязательной принадлежностью китойских могил [Георгиевская, 1989, с. 36, 40, 74]. На Алтае они встречаются лишь в отдельных погребениях. В погребальном инвентаре из Нижнетыткескенской пещеры I их насчитывалось 8 экз. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 34 – 35]. В мог. 1 могильника Усть-Иша было три стерженька различной длины, как и в погр. 1 Солонцов-5. Не исключено, что в отдельных погребениях Алтая стерженьки выступали в качестве своеобразного символического атрибута.

“Рукоятчные утюжки”, подобные солонцовскому, встречены на большемысском поселении Тыткескен-6 [Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 112] и афанасьевском Нижняя Соору [Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998, с. 68 – 69] на Катунь, в Западной Сибири на самусьских поселениях, где рукояти некоторых экземпляров увенчаны зооморфными изображениями [Косарев, 1981, с. 83 – 84, 103], скорее всего, вследствие изменения назначения этих предметов в эпоху бронзы. Орудия аналогичного типа, только сделанные из рога, обнаружены в Оленеостровском могильнике на Кольском п-ове. Они имеют вытянутую форму, округлые в сечении. Их основания косо срезаны и зашлифованы до блеска. Орудия интерпретированы как ложила для разглаживания швов кожаной одежды [Гурина, 1953, с. 371 – 372].

Украшения и острия из зубов животных (см. рис. 5) находят аналогии в могильниках Алтая и Верхнего Приобья, Кузнецкой котловины, Прибайкалья. Однако наиболее широко они представлены в погребениях северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины. Острия из клыков кабарги с зазубринами и нарезками (см. рис. 5, 2 – 6, 16) встречены в погребальном инвентаре из Нижнетыткескенской пещеры I и китойских захоронений [Окладников, 1950, с. 369; Георгиевская, 1989, с. 82, 84]. На отдельных украшениях есть прочерченный рисунок в виде заштрихованных треугольников (см. рис. 5, 1, 4, 5). Геометрическое оформление отмечено на костяных предметах из погребений на поселении Усть-Белая [Георгиевская, 1989, с. 85 – 86], Китойского могильника [Окладников, 1950,

с. 387 – 390] и на игольнике из погр. 612 эпохи раннего металла могильника Сопка 2/3 [Молодин, 2001, с. 77, 79].

Сравнительный морфологический анализ вещей из погр. 1 свидетельствует о их сходстве и даже идентичности с культурно-хронологически близкими изделиями из Кузнецкой котловины и Горного Алтая, китойскими образцами с территории Прибайкалья и бассейна Лены.

Культурно-хронологическая идентификация погребальной практики и вещественного комплекса

Человек, погребенный в мог. 1, скорее всего, имел особый общественный статус в группе населения, проживавшего во второй половине – середине IV тыс. до н.э. на р. Бие, о чем свидетельствует ряд отличий этого погребения от остальных захоронений могильника Солонцы-5: укладывание каменных плит над головой усопшего, захоронение взрослого с маленьким ребенком, помещение в могилу компактных скоплений отщепов и инвентаря, вещей, которые до этого не встречались в неолитических погребениях Алтая (отдельных типов наконечников гарпунов, накладок на лук, костяных составных рыболовных крючков, каменных “рукоятчных утюжков”).

Попытаемся рассмотреть каждый элемент в отдельности.

Захоронение ребенка с мужчиной не характерно для кузнецко-алтайских могильников Усть-Иша, Солонцы-5, Кузнецкого, а также и для могильника Большой Мыс. Эта особенность встречена только в погребениях китойской культуры, например, на могильниках Фофановский и Локомотив [Герасимова, 1992, с. 108]. Для погребального обряда неолитического населения Алтая характерно помещение в могилы детей самого раннего возраста охотничьего оружия (Усть-Иша). В сопроводительном инвентаре 1,5-годовалого ребенка из погр. 1 Солонцов-5 присутствуют кинжал и наконечники стрел. Это может свидетельствовать о том, что уже в таком возрасте ребенок считался потенциальным охотником. Данный элемент обрядности не прослежен на могильнике Большой Мыс, где также имеются детские захоронения.

Помещение в могилу компактных скоплений вещей, отщепов характерно для китойского погребального обряда, в серовских захоронениях такая черта не прослеживается. В ряде погребений китойских могильников фиксируются скопления вещей справа от черепа и на уровне таза, они ассоциируются с “сумочками”, заполненными отщепами и орудиями промыслов [Окладников, 1978, с. 14, 63; Мамонова, Базалийский, 1991, с. 95].

Вещевой комплекс из погр. 1 обнаруживает наибольшее сходство с сопроводительным инвентарем из захоронений Горного Алтая, Кузнецкой котловины, что, несомненно, свидетельствует о близости культурных традиций. Для данной территории самыми распространенными предметами в погребальном инвентаре являются крупные каменные и костяные вкладышевые клинки. Комплекс объединяющих памятники признаков также включает: наконечники гарпунов с односторонним расположением зубцов, каменные рыболовные стерженьки с серединным пропилом и выделенными ушками, богатый набор украшений одежды, изготовленных из зубов животных и кости. Вместе с тем инвентарь из мог. 1 выделяет это погребение среди других на могильнике Солонцы-5 и из всех известных до сих пор захоронений кузнецко-алтайской культуры. В нем более всего выражены признаки сходства с китойскими материалами. Это сходство указывает на участие неолитической культуры Восточной Сибири в формировании кузнецко-алтайской культуры. Наличие наряду с аналогичными китойским костяными вкладышевыми клинками, крючками “верхоленского типа” близких, но не идентичных китойским форм каменных стерженьков, костяных наконечников гарпунов может свидетельствовать о культурной трансформации.

По мере удаления от Салаиро-Алтая в северо-западном направлении (Барнаульское Приобье, Барабинская лесостепь) в материалах неолитических могильников обнаруживается все меньше сходства с погребальным обрядом населения северных предгорий Алтая эпохи неолита. Различия в первую очередь проявляются в ориентации погребенных относительно сторон света, инвентаре и украшениях [Молодин, 2001; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989]. Отдельные признаки сходства с материалами Оленеостровского могильника Карелии могут свидетельствовать как о формировании культур на общей основе, так и о их конвергентном развитии [Молодин, 2001, с. 23].

Во второй половине IV тыс. до н.э. имели место события, которые привели к миграции носителей китойской культуры и смене данного населения новым “серовско-глазковским сообществом”. Усложнение ситуации с промысловыми ресурсами – основным источником питания – неизбежно вело к изменению социальных отношений, инфильтрации групп населения из Байкальского региона в соседние области с близкими природно-ландшафтными условиями. Вероятно, смешанные и трансформированные компоненты культур мигрантов вошли в культуру Саяно-Алтая. Сравнительный анализ материалов погр. 1 Солонцов-5 показал наличие генетических связей культуры населения, оставившего этот могильник,

с китойской. Палеоантропологический же материал Алтая свидетельствует не о китойском, а о серовском (групп бассейна Лены) влиянии, что подтверждают и некоторые аналогии вещей.

Хронологические аспекты

Согласно радиоуглеродным датам, в некоторых районах (например, в Приольхонье) китойская культура доживает до III тыс. до н.э., а самые ранние серовские памятники датируются концом IV тыс. до н.э., что означает сосуществование разнокультурных групп населения. А.К. Конопацкий приводит даты наиболее поздних китойских погребений Ольхона, среди которых есть захоронения моложе серовских на 210 и 35 лет [Конопацкий, 1982, с. 73 – 74, 77 – 78]. В погребальном обряде и инвентаре погр. 2 на Шаманском мысе наблюдается сочетание серовских и китойских черт [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 45]. Исследователи приходят к выводу о проникновении в Приольхонье части китойского населения, что привело к культурной гибридизации. Измененные и сохраненные формы изделий, элементы обряда вошли в неолитическую культуру Салаиро-Алтая, поликомпонентную в своей основе.

На основе радиоуглеродного анализа костей из погребений могильника Солонцы-5 получены даты $5\,325 \pm 45$ л.н. (СОАН-4628) – 3 375 $\pm$ 45 л. до н.э.; $5\,485 \pm 85$ (СОАН-4627) – 3 535 $\pm$ 85 л. до н.э.; $5\,740 \pm 110$ (СОАН-4946) – 3 790 $\pm$ 110 л. до н.э.; $5\,810 \pm 110$ (СОАН-4947) – 3 860 $\pm$ 110 л. до н.э. (для погр. 3 с погребенным в скорченном положении), соответствующие середине – концу IV тыс. до н.э. Они близки данным радиоуглеродного датирования захоронения в Нижнетыткескенской пещере I, которые укладываются в интервал с $5\,440 \pm 105$ по $5\,075 \pm 35$ л.н. (3250 – 3350 г. до н.э.) [Киришин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 42]. Все эти даты согласуются с поздним этапом китойской культуры в Прибайкалье, а точнее, с периодом миграции китойцев и началом серовского этапа [Мамонова, Сулержицкий, 1986; Конопацкий, 1982; Гришин, 2000].

Рассмотренные материалы могильника Солонцы-5 демонстрируют основы формирования кузнецко-алтайской культуры и предоставляют новые факты для решения проблемы трансформации китойской культуры.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Киришин Ю.Ф., Пугачёв Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 206 – 210.
- Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олёкмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.
- Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 19 – 33.
- Бобров В.В. Исследования поселения Танай-4а и некоторые проблемы западно-сибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 138 – 144.
- Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 17 – 35.
- Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 89 с.
- Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23 – 48.
- Герасимова М.М. Черепа Фофановского могильника (р. Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 97 – 111.
- Горюнова О.Н., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 41 – 56.
- Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Изд-во ИА РАН, 2000. – 128 с.
- Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 347 – 407. – (МИА; № 39).
- Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19 – 46.
- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: Антропологический очерк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 260 с.
- Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры I – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 95 – 117.
- Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескен-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111 – 123.
- Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – 152 с.
- Киришин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд

древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 5 – 10.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 117 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 172 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А. Результаты исследования неолитического могильника Солонцы-5 на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭт СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 121 – 129.

Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 67 – 72.

Мамонова Н.Н., Базалийский В.И. Могильник “Локомотив”: Некоторые биологические и демографические особенности населения китойской культуры (по материалам раскопок 1980 – 1984 годов) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 93 – 109.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: Итоги и перспективы: Тез. докл. конф., 13 – 15 окт. 1986 г. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – С. 15 – 20.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2(2). – С. 53 – 64.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 36 – 57.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Исследования в Северо-Западной Барабе // Археологические открытия 1997 г. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 292 – 294.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на средней Таре // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 66 – 98.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 411 с. – (МИА; № 43).

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары (от устья Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники нижней Ангары (от Серова до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 327 с.

Окладников А.П. Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11 – 21.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.А. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Чернышов Н.А. Кузнецкий неолитический могильник // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 336 – 346. – (МИА; № 39).

Чикишева Т.В. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1(1). – С. 139 – 148.

Материал поступил в редколлегию 11.10.02 г.